

Короткие рассказы из книги «Узелки на память»

Татьяна Грибанова

На опушке

Наконец-таки выбираюсь на опушку и, скинув с плеча в пожухлый травостой тяжеленную плетущую с «утопганьями», последними рыжиками и маслятами, задвинув под куст крушинника небольшое ведерце с шиповником, усаживаюсь передохнуть.

До деревни – с версту, до заката – еще часа три. Разожу костер. Благо под соснами кучи расперившихся шишек, пересоших за жаркие летние месяцы, а, быть может, расшелушенных, выщелканных в прошлые зимы прожорливой оравой клестов.

Поджигиваю костер, потрескивают шишки, кричат валенки, занимаются пыльем и крупные коряжины. Пеку, нанизав на ореховый прутик, дробное лесное яблочко, улежалое, последнее, подобранный на другом конце леса под престарелой дичкой. Смотрю, как играют малиновым жаром чурки, слушаю осень.

Откуда ни возьмись серая лохматая тушица. Накрыла опушку, словно расстрепанной ватной фуфайкой. Шуманула осатанело первой порошей, просыпала из дырявых карманов звонкие зрелые конопелины.

Попробовал их на зуб костер, пощелкал – не понравилось, зашипел недовольный. Только наладилось было поворачать, глядь – а туча-то поджала хвост и – на тебе! – уже понеслась над Лосиным овражком, в котором белыми цветами разбрелись чьи-то залуптавшие гуси, заскакала по маковкам ржаных соломенных скирд на Дальней кулите, обронила, зашуршала тростниками да розоюзником на притихшей, погрозившей Кроме, была да вся вышла – пошла себе по свету счастье пытаться.

Напугала, нашпорохла, шальная, округу – уж больно рано объявилась. Нынче только первое октября, у нас говорят: Ариша – журавлиный отлет, или Ариша Шиповница. И утром, правда, над полями, над Плиняным проселком, в сторону Закамней, пролетали, печаловались, рыдая, журавки. А значит, раньше Артемьева дня, второго ноября, морозы не захлобьщут, разве что залетная туча с реденьким снежком да крупною лалетит нежданно-негаданно, да и была такова.

Это там, на другой стороне пойма, ворожит-пришептывает, а здесь, над лесной за-

крайкой, уж и осветлилось, уж и солнышко заулыбалось. И снова возрадовалась осень последним погожим дням, созданной ею величавостью. Притихла мастераца, на свое рукоделие любитесь, на шитые шерстяными да шелковыми нитями подолю урочищи, на их вытканые парчой, изукрашенные черной сканью уборы.

Целый месяц старалась на славу, еще и прибраться не успела: по всей опушке растеряла булавки-иглолки (сосны не пожадничали, одарили), а пуговок, путовок! – любых калибров (маслят повсюду – росссыпи!).

И чудится мне, будто слышу я, как переговариваются, шущают, кружась в последнем танце, роняясь в кружева позолоченной папороти, повисая на тончайших качелях серебристых паути, пурпурные и сусальные листья. Как потихоньку остывает в деревьях старого урочища его кровь. Заплещется суждено ей теперь лишь после Сретенья.

Чую, как припадает, склоняясь в коленях, засыпающие белинки большетравья, как в низине, на самом донце Царева овражка, устало вздыхает, прикрывая ресницами поникших тростников свои погрустневшие очи, в которых устывает белый свет, словно уставшая дойная корова, лесное невеличко-озеро, прозываемое по деревушке – Игинское.

Какая-то крупная птица с нахлобученным, словно картуз, холлом шоркнула на верхушку дикого черноплодника и – любо-дорого! – жадно кормится, кормится, в спешке соря в густые лапки можжевеля тяжелые гроздья чудо-ягодины.

А у корней – нырк! – уже хлопочет, на подхвате, какой-то мелкий грызунышка, кагит в свою норку вусношный добыток. Как же! Ахнула его душечка – заторопишься тут! Успеть бы, пока не расшвыряли осенские ветродуи сытные плоды, пока не засыпали их лихие студеные поземки.

Костерок пригас. Да и мне добратись за светло.

Взошел тонкий, остророгий молодой. За дальними холмами просыпалась корзина спелых шафранов – спохватилась объявиться заря и кубарем шаркнулась в багровые приречные тальники.

В полусонные послышалось рассыпчатое балаканье телеги. Присмотрелась – Дрожжин Николай, нашенский мужичонка, в пидавшей крым и рым фуфайке, в изрядно пе-

ремазаных суглинком кирзачах, мотался на чалом в Савинлог за топлей.

Водрузив на телегу последние лесные подарки: и грибы, и шиповник, и чудный букет из ярких ветвей и листьев – подсаживаюсь к вознице. Расспрашиваю о незамысловатом крестьянском житье-бытье. И он с толком, с расстановкой, обстоятельно обсказывает, как «изготовился» к холодам: сколько «наполов» огурцов, сколько бочек помидоров закатил в погреб, сколько плетух картошки засыпал в подполье, сколько кочанов капуста «доходит» под сараем, ждет первых хватких морозцев.

Едем, толкуем, а лес расстачает, роняет на землю свою ненаглядную красу, протяни ладони – не посклупится, щедро одарит и тебя своим богатством. Осень догуливает последние праздники.

Золотой день

Зимний Никола. Мороз, а солнце такое яркое, что, кажется, будто вся долина ponad Кромой застлана тончайшей сусалью. Даже не верится, что три дня краду куролесило и бесилось так, что носа за порог никто не высовывал. Казаюсь, вся нечистая, что только водится на свете, слетелась в наши края на шабаш: гудело, ухало, тьявало и хохотало в трубе, колотило и билось в двери, скреблось и горстями швырялось ядреной сечкой в дребезжачие со страху окна.

А нынче! Нынче день-то как есть золотой! И небеса сияют, и косогоры блещут, и сугробы горят! И задорно пощелкивают поленья в печи, и горница облита янтарным сиянием. И не усидеть взаперти. На волю, в этот искрящийся чудесный мир!

Спуститься вдоль хутора по хрустким, сверкающим драгоценными камешками сугробам, завернуть за тетки Лизкину избу и по утрамбанному, выкатанному метелью до блестя насту, бездорожьем, дошагать до самого плеса.

Там, на Облоге, у переезда – я так и знала! – длинная, с дюжину саженей, польня. В ней радостный переполох – барахтаются, кочочут, орут на всю пойму, бьют крыльями, выбрасывая из воды в калыные воздуши искрящуюся золотистую пыль, несчетные гусиные табуны.

Накупавшись, обламывая тоносюнькую кромку перевсверкивающегося зеленоватого льда, важно ступая красными лапами, чередом выби-

раются они на берег, утомиваются, втягивая погреться по одну, то другую лапку в густые пухи подбрюшья.

Чуть поодаль, на бережку, дымя папиросоми, тоже переминаются с ноги на ногу, хлопают рукавицами, разгоняя мороз, итинские и кировские мужики. Любуются птичьим базаром, сговорившись обменяться гусаками, бьют по рукам, тут же, не откладывая в долгий ящик, проставляют калымы.

Если от этой птичьей купальни пробежаться минут десять (для согрева) по твердо насту облитой солнцем долины в направлении синюенького за итинским полем Хильмечков, к истоку впадающего в Кромю ручья Желтого, то еще издали заметишь курящийся в декабрейской стяни Иванов ключ.

Лед на русле выскользнувшего из него ручья размыт аж до самой середины луга. Родничок этот норовистый, благодаря своему теплomu дыханию ни за какие коврижки не позволяет холодам себя заковать.

Стоя в низине, вскинешь глаза, посмотришь на взгорье, подивившись: изб как не бывало, вовсе не видать, прямо из сугробов ровными-преровными столбами, не колыхнутся, в поднебесье уходят перламутровые дымы.

Тишь необычайная. И только со стороны Кромы нет-нет да прорвется сквозь сияющий воздух радостный вскрик пе-

ресытившейся волей птицы. Да пробьется переметной стезей соседка Кузина Саша, звякнет ведерком, зачерпывая из родника вместе с водой золотое блудо полуденного солнца, проскрипит валенки на гору, и опять – тишина да в честь Николина дня облаканная солнцем бескрайняя парчовая гладь.

Слово об авторе

Удивительно зоркая память вводит себя, внутрь истории страны, жизни рода-племени своего. И малая форма позволяет работать на одном вздохе как автору, так и читателю. Невольно будоражишь и свою память восточными впечатлениями того, что было, и как виделось. Думается, Татьяна Грибанова родилась на свет, чтобы сберечь русскость, народность, передать их другим поколениям. Таких людей в массовом количестве не бывает. Бог выбирает единицы. И дарует им память, взгляд, слово, образ. На ней все это сошлось.

Н.Ф. Иванов

Татьяна Грибанова – язык, читаешь и забываешь о сюжете, внемлешь слову, ладно и чувственно.

Л.В. Довыденко

В лирических рассказах Татьяны Грибановой поет русский язык, и, как духовная сладость, это запоминается надолго.

В.Д. Лютый